

Одиннадцать минут

Автор:

Пауло Коэльо

Одиннадцать минут

Пауло Коэльо

Это роман о любви, о сексе, о том, как два тела учатся разговаривать друг с другом на языке страсти.

Мария, девушка из бразильского захолустья, поддавшись на уговоры вербовщика, едет работать в Швейцарию – танцовщицей в закрытом клубе. Однако действительность далека от обещаний и Мария становится проституткой. Но на этом пути ее ждет встреча, которая изменит ее и орбиту ее жизни.

Пауло Коэльо

Одиннадцать минут

Посвящение

29 июня 2002 года, за несколько часов до того, как поставить последнюю точку в рукописи этой книги, я отправился в Лурд набрать чудотворной воды из тамошнего источника. И вот, уже на территории святилища, какой-то человек лет примерно семидесяти спросил меня: «Вам, наверное, говорили, что вы очень похожи на Пауло Коэльо?» Я ответил, что Пауло Коэльо – перед ним. Тогда этот человек обнял меня, представил жене, познакомил с внучкой, стал говорить о

том, какую важную роль сыграли в его жизни мои книги, а под конец добавил: «Они заставляют меня мечтать».

Я не впервые слышал эти слова, но всякий раз радовался им. Однако в тот миг сильно растерялся, ибо знал, что «Одиннадцать минут» – книга, толкующая о таком предмете, который может и смутить, и шокировать, и ранить. Я дошел до источника, набрал воды, вернулся, спросил, где живет этот человек (оказалось – на севере Франции, на границе с Бельгией), и записал его имя.

Эта книга посвящается вам, Морис Гравелин. У меня есть обязательства перед вами, перед вашей женой и внучкой – но и перед самим собой: я должен говорить о том, что заботит и занимает меня, а не о том, что от меня хотели бы услышать все. Одни книги заставляют нас мечтать, другие – погружают в действительность, но все они проникнуты самым главным для автора – искренностью.

Ибо я – первая и я же – последняя

Я – почитаемая и презираемая

Я – блудница и святая

Я – жена и дева

Я – мать и дочь

Я – руки матери моей

Я – бесплодна, но бесчисленны дети мои

Я счастлива в браке и не замужем

Я – та, кто производит на свет,

и та, кто вовек не даст потомства

Я облегчаю родовые муки

Я – супруг и супруга

И это я родила моего мужа

Я – мать моего отца

Я – сестра моего мужа

Поклоняйтесь мне вечно,

Ибо я – злонравна и великодушна.

Гимн Изиде, обнаруженный в Наг-Хаммади, III или IV век (?) до н. э.

И вот, женщина того города, которая была грешница, узнавши, что Он возлежит в доме фарисея, принесла алавастровый сосуд с миром;

И, ставши позади у ног Его и плача, начала обливаться ногами Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром.

Видя это, фарисей, пригласивший Его, сказал сам в себе: если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ибо она грешница.

Обратившись к нему, Иисус сказал: Симон! Я имею нечто сказать тебе. Он говорит: скажи, Учитель.

Иисус сказал: у одного заимодавца было два должника: один должен был пятьсот динариев, а другой пятьдесят;

Но как они не имели чем заплатить, он простил обоим. Скажи же, который из них более возлюбит его?

Симон отвечал: думаю, тот, которому более простил. Он сказал ему: правильно ты рассудил.

И обратившись к женщине, сказал Симону: видишь ли ты эту женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал; а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отерла.

Ты целования Мне не дал; а она, с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги.

А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много; а кому мало прощается, тот мало любит.

Евангелие от Луки 7: 37-47

Жила-была на свете проститутка по имени Мария. Минуточку! «Жила-была» – хорошо для зачина сказки, а история о проститутке – это явно для взрослых. Как может книга открываться таким вопиющим противоречием? Но поскольку каждый из нас одной ногой – в волшебной сказке, а другой – над пропастью, давайте все же будем продолжать, как начали. Итак:

Жила-была на свете проститутка по имени Мария.

Как и все проститутки, родилась она чиста и непорочна и, пока росла, все мечтала, что вот повстречает мужчину своей мечты (чтобы был красив, богат и умен), выйдет за него замуж (белое платье, фата с флердоранжем), родит двоих детей (они вырастут и прославятся), будет жить в хорошем доме (с видом на море). Отец у нее торговал с лотка, мать шила, а в ее родном городке, затерянном в бразильском захолустье, всего только и было что кинотеатр, ресторанчик да банк – все в единственном числе, – а потому Мария неустанно ждала: вот придет день и нагрянет без предупреждения прекрасный принц, влюбится в нее без памяти и увезет покорять мир.

Ну а пока прекрасного принца не было, оставалось только мечтать. В первый раз влюбилась она, когда было ей одиннадцать лет, – по дороге из дома в школу. В первый же день занятий поняла Мария, что появился у нее попутчик: вместе с

нею в школу по тому же расписанию ходил соседский мальчик. Они и словом-то друг с другом не перемолвились ни разу, однако она стала замечать, что больше всего нравятся ей те минуты, когда по длинной дороге – пыль столбом, солнце палит немилосердно, жажда мучит – поспеваает она, из сил выбиваясь, за мальчиком, который идет скорым шагом.

И так продолжалось несколько месяцев. И Мария, которая терпеть не могла учиться и, кроме телевизора, иных развлечений не признавала – да их и не было, – мысленно подгоняла время, чтоб поскорее минул день, настало утро и можно было отправиться в школу, а субботы с воскресеньями – не в пример своим одноклассницам – совсем разлюбила.

А поскольку, как известно, для детей время тянется медленней, чем для взрослых, она очень страдала и злилась, что эти бесконечные дни дают ей всего-навсего десять минут любви и тысячи часов – чтобы думать о своем возлюбленном и представлять, как замечательно было бы, если б они поговорили.

И вот это произошло.

В одно прекрасное утро мальчик подошел к ней, спросил, нет ли у нее лишней ручки. Мария не ответила, сделала вид, что обиделась на такую дерзкую выходку, прибавила шагу. А ведь когда она увидела, что он направляется к ней, у нее внутри все сжалось: вдруг догадается, как сильно она его любит, с каким нетерпением ждет, как мечтает взять его за руку и, миновав двери школы, шагать все дальше и дальше по дороге, пока не кончится она, пока не приведет туда, где – люди говорят – стоит большой город, а там все будет в точности как по телевизору показывают: артисты, автомобили, кино на каждом углу, и каких только удовольствий и развлечений там нет.

Целый день не могла она сосредоточиться на уроке, мучаясь, что так глупо себя повела, и вместе с тем ликуя оттого, что мальчик наконец ее заметил, а что ручку попросил – так это всего лишь предлог, повод завязать разговор: ведь когда он подошел, она заметила, что из кармана у него торчит своя собственная. И в эту ночь – да и во все последующие – Мария все придумывала, как будет ему отвечать в следующий раз, чтоб уж не ошибиться и начать историю, у которой не будет окончания.

Но следующего раза не было. Они хоть и продолжали, как прежде, ходить в школу одной дорогой – Мария иногда шла впереди, сжимая в правом кулаке ручку, а иногда отставала, чтобы можно было с нежностью разглядывать его сзади, – но он больше не сказал ей ни слова, так что до самого конца учебного года пришлось ей любить и страдать молча.

А потом потянулись нескончаемые каникулы, и вот как-то раз она проснулась в крови, подумала, что умирает, и решила оставить этому самому мальчику прощальное письмо, признаться, что никого в жизни так не любила, а потом убежать в лес, чтоб ее там растерзал волк-оборотень или безголовый мул – кто-нибудь из тех чудовищ, которые держали в страхе окрестных крестьян. Только если такая смерть ее настигнет, думала она, не будут родители убиваться, потому что бедняки так уж устроены – беды на них как из худого мешка валятся, а надежда все равно остается. Вот и родители ее пускай думают, что девочку их взяли к себе какие-нибудь бездетные богачи и что, бог даст, когда-нибудь она вернется в отчий дом во всем блеске и с кучей денег, но тот, кого она полюбила (впервые, но навсегда), будет о ней вспоминать всю жизнь и каждое утро корить себя за то, что не обратился к ней снова.

Но она не успела написать письмо – в комнату вошла мать, увидела пятна крови на простыне, улыбнулась и сказала:

– Ты стала взрослой, доченька.

Мария пыталась понять, как связано ее взросление с кровью, струившейся по ногам, но мать толком объяснять не стала – сказала только, что ничего страшного в этом нет, просто придется теперь каждый месяц на четыре-пять дней подтыкаться чем-то вроде кукольной подушечки. Она спросила, пользуются ли такой штукой мужчины, чтобы кровь им не пачкала брюки, но узнала, что такое случается только с женщинами.

Мария попеняла Богу за такую несправедливость, но в конце концов привыкла, приносовилась. А вот к тому, что мальчика больше не встречает, – нет, и потому беспрестанно ругала себя, что так глупо поступила, убежав от того, что было ей всего на свете желанней. Еще перед началом занятий она отправилась в единственную в их городке церковь и перед образом святого Антония поклялась, что сама первая заговорит с мальчиком.

А на следующий день принарядилась как могла – надела платье, сшитое матерью специально по случаю начала занятий, – и вышла из дому, радуясь, что кончились, слава богу, каникулы. Но мальчика не было. Целую неделю протрадала она, прежде чем кто-то из одноклассников не сказал ей, что предмет ее воздыханий уехал из городка.

– В дальние края, – добавил другой.

В эту минуту Мария поняла: кое-что можно потерять навсегда. И еще поняла, что есть на свете место, именуемое «дальний край», что мир велик, а городок ее – крошечный и что самые яркие, самые лучшие люди в конце концов покидают его. И она бы тоже хотела уехать, да мала еще. Но все равно, глядя на пыльные улочки своего городка, решила, что когда-нибудь пойдет по стопам этого мальчика. Через девять недель, в пятницу, как предписывал канон ее веры, она пошла к первому причастию и попросила Деву Марию, чтоб когда-нибудь забрала ее из этой глуши.

Еще какое-то время тосковала она, безуспешно пытаясь найти след мальчика, но никто не знал, куда переехали его родители. Марии тогда показалось, что мир, пожалуй, чересчур велик, что любовь – штука опасная, что Пречистая Дева обитает где-то на седьмом небе и не очень-то прислушивается к тому, о чем просят Ее дети в своих молитвах.

Прошло три года. Мария училась математике и географии, смотрела по телевизору сериалы, впервые перелистала в школе неприличные журнальчики и завела дневник, куда стала заносить мысли о сером однообразии своей жизни, о том, как ей хочется наяву увидеть снег и океан, людей в тюрбанах, элегантных дам в драгоценностях, – словом, все то, что показывал телевизор и что рассказывали на уроках. Но поскольку никому еще не удавалось жить одними лишь неосуществимыми мечтами – тем более если мать у тебя швея, а отец торгует с лотка, – то вскоре Мария поняла, что надо бы повнимательней присмотреться к тому, что происходит рядом и вокруг. Она стала прилежно учиться и одновременно – искать того, с кем можно было бы разделить мечты о другой жизни. И когда ей исполнилось пятнадцать, влюбилась в одного паренька, с которым познакомилась во время крестного хода на Святой неделе.

Нет, она не повторила той давней ошибки – с этим пареньком они и разговорились, и подружились, вместе ходили в кино и на всякие праздники. Заметила она, впрочем, и нечто похожее на ее первое чувство: острее ощущала она любовь не в присутствии предмета своей любви, а когда его не было рядом – вот тогда начинала она скучать по нему, воображая, о чем будут они говорить при встрече, припоминая в мельчайших подробностях каждое мгновение, проведенное вместе, пытаясь понять, так ли она поступила, то ли сказала. Ей нравилось представлять себя опытной девушкой, которая однажды упустила возлюбленного, не сумела уберечь страсть, знает, как мучительна потеря, – и теперь решила изо всех сил бороться за этого человека, за то, чтобы выйти за него замуж, родить детей, жить в доме у моря. Поговорила с матерью, но та взмолилась:

– Рано тебе, доченька.

– Но вы-то в шестнадцать лет уже были замужем за моим отцом.

Мать не стала ей объяснять, что поспешила под венец, потому что случилась нежданная беременность, а ограничилась лишь фразой «тогда другие были времена», и на том тему закрыли.

А на следующий день Мария и ее паренек гуляли по окрестным полям. Разговаривали на этот раз мало. Мария спросила, не хотелось бы ему постранствовать по свету, но вместо ответа он вдруг обхватил ее и поцеловал.

Первый поцелуй! Как мечтала она о нем! И обстановка была вполне подходящая: кружились над ними цапли, садилось солнце, где-то вдалеке слышалась музыка, и скучный пейзаж был исполнен яростной, совсем не умиротворяющей красоты. Мария сначала притворилась, будто хочет оттолкнуть его, но уже в следующее мгновение сама обняла его и – сколько раз она видела это в кино, по телевизору, в журналах! – с силой прижалась губами к его губам, склоняя голову то налево, то направо, повинаясь ей самой неподвластному ритму. Иногда язык его дотрагивался до ее зубов, доставляя ей неизведанное и очень приятное ощущение.

Но он вдруг остановился.

– Ты что, не хочешь?

Что могла она ответить? Не хотела? Конечно, хотела, еще как хотела! Но женщина не должна изъясняться таким образом, да еще со своим будущим мужем, а не то он всю жизнь будет считать, что заполучил ее безо всякого труда, без малейших усилий и что она очень легко на все соглашается. И потому Мария предпочла вообще промолчать.

Он снова обнял ее, снова прильнул к ее губам – но уже без прежнего жара. И снова остановился, залившись густым румянцем. Мария догадалась – что-то пошло не так, но что именно – спросить постеснялась. Взявшись за руки, они пошли назад и говорили по дороге о предметах посторонних, словно ничего и не было.

А вечером, с трудом и очень тщательно подбирая слова – она была уверена, что когда-нибудь все написанное ею будет прочитано, – и не сомневаясь, что днем случилось нечто очень важное, занесла Мария в дневник:

Когда мы влюбляемся, кажется, что весь мир с нами заодно; сегодня, на закате, я в этом убедилась. А когда что-то не так, ничего не остается – ни цапель, ни музыки вдали, ни вкуса его губ. И куда же так скоро сгинула и исчезла вся эта красота – ведь всего несколько минут назад она еще была, она окружала нас?!

Жизнь очень стремительна: в одно мгновение падаем мы с небес в самую преисподнюю.

На следующий день она решила поговорить с подругами. Все ведь видели, как она гуляла со своим ухажером, – согласимся, что одной лишь любви, пусть даже самой большой, мало: надо еще сделать так, чтобы и все вокруг знали, что ты – любима и желанна. Подругам до смерти хотелось расспросить, как и что, и Мария, взбудораженная новыми впечатлениями, рассказала обо всем без утайки, добавив, что приятней всего было, когда его язык дотрагивался до ее зубов. Услышав это, одна из подруг расхохоталась:

– Так ты рот не открывала, что ли?

И мигом стало Марии все понятно – и вопрос паренька, и его внезапная досада.

– А зачем?

– А иначе язык не просунешь.

– А в чем разница?

– Не могу тебе объяснить. Просто когда целуются, то делают так.

Задавленные смешки, притворное сочувствие, тайное злорадство девчонок, которые еще ни в кого не влюблялись. Мария притворилась, что не придает этому никакого значения, и смеялась со всеми. Смеяться-то смеялась, а в душе горько плакала. И про себя проклинала кино, благодаря которому и научилась закрывать глаза, обхватывать пальцами затылок того, с кем целуешься, поворачивать голову то немного влево, то чуть-чуть вправо, – а самого-то главного, самого важного там не показывали. Она придумала превосходное объяснение («Я тогда еще не хотела целоваться с тобой по-настоящему, потому что не была уверена, что ты и есть мужчина моей жизни, а теперь поняла...») и стала ждать подходящего случая.

Но через три дня, на вечеринке в городском клубе, она увидела, что ее возлюбленный стоит, держа за руку ее подругу – ту самую, которая и задала ей этот роковой вопрос. И снова Мария сделала вид, что ей это все безразлично, и героически дотянула до самого конца вечеринки, обсуждая с подружками киноактеров и других знаменитостей и притворяясь, будто не замечает, как сочувственно они на нее время от времени поглядывают. И лишь вернувшись домой и чувствуя: мир рухнул! – дала волю слезам и проплакала всю ночь. Целых восемь месяцев после этого она страдала, придя к выводу, что не создана для любви, а любовь – для нее. Даже всерьез стала подумывать, не постричься ли ей в монахини, чтобы остаток дней посвятить любви, которая не причиняет таких мук, не оставляет таких рубцов на сердце, – любви к Иисусу.

Учителя рассказывали про миссионеров, отправляющихся в Африку, и она увидела в этом выход для себя – не все ли равно, раз в ее жизни нет больше места для чувства?! Мария строила планы уйти в монастырь, а пока научилась оказывать первую помощь (в Африке, говорят, люди так и мрут), стала особенно прилежна на уроках Закона Божьего и представляла, как она, точно вторая Мать

Тереза, будет спасать людям жизнь и исследовать дикие леса, где рыщут львы и тигры.

Так уж получилось, что в год своего пятнадцатилетия Мария, помимо того что узнала – целоваться надо с открытым ртом, а любовь доставляет одни страдания, сделала еще одно открытие. Мастурбация. Как всякое открытие, произошло это почти случайно. Однажды, поджидая мать, она трогала и гладила себя между ног. Она делала это, когда была еще совсем маленькой, и ощущения были очень приятные. Но однажды отец застал ее за этим занятием – и сильно выпорол, не объясняя за что. Полученную взбучку она запомнила навсегда, усвоив накрепко, что ласкать себя можно, только когда никто не видит, а на людях – нельзя, но поскольку посреди улицы это делать не будешь, а своей комнаты у Марии не было, то об этом запретном удовольствии она вскоре забыла.

Забыла – до того самого дня, когда со времени неудачного поцелуя минуло почти полгода. Мать где-то задержалась, делать было нечего, отец куда-то ушел с приятелем, по телевизору ничего интересного не показывали, и со скуки Мария принялась разглядывать себя и изучать свое тело – не вырос ли где-нибудь лишний волосок, который в этом случае следовало немедленно выщипнуть пинцетом. К собственному удивлению, она заметила чуть повыше того места, которое в эротических журналах нежно именовалось «норка» или «щелка», маленький бугорок; прикоснулась к нему – и уже не могла остановиться: удовольствие становилось все сильнее, а все ее тело – особенно там, где порхали ее пальцы, – напряглось, словно набухло. Мало-помалу ей стало казаться, что она просто в раю, наслаждение делалось все ярче и острее, Мария уже ничего не слышала, перед глазами колыхалось какое-то желтоватое марево, и вот она содрогнулась и застонала от первого в жизни оргазма.

Оргазм!!

Ей казалось, что она взлетела в самое поднебесье и теперь, медленно спускаясь, парит в воздухе на парашюте. Все тело ее было покрыто испариной, и вместе с необыкновенным приливом сил она испытывала странное блаженное ощущение – будто что-то осуществилось, состоялось, сбылось. Вот он – секс! Какое чудо! Никаких скабрзных журнальчиков, где столько толкуют о неземном наслаждении. Не нужны никакие мужчины, которые любят только тело, а в душу женщины – плюют. Можно быть и наслаждаться одной! Мария предприняла

вторую попытку, на этот раз воображая, что ее ласкает знаменитый актер, – и снова вознеслась в рай, и снова медленно спустилась на землю, зарядясь еще большей энергией. Когда она приступила к третьему сеансу, вернулась мать.

Свое открытие она обсудила с подругами, умолчав, правда, о том, что сделала его несколько часов назад. Все девочки – за исключением двух – поняли ее с полуслова, но никто не решался открыто говорить об этом. Мария, почувствовав себя в этот миг ниспровергательницей основ, лидером, предложила новую игру «в сокровенные признания»: пусть каждая расскажет о своем любимом способе мастурбации. Она узнала несколько различных методов – одна девочка посоветовала заниматься этим в самую жару под одеялом (ибо, по ее словам, пот весьма способствует), другая использовала гусиное перышко, чтобы пощекотать это самое место (как оно называется, ей было неизвестно), третья предложила, чтобы это делал мальчик (Мария сочла это совершенно излишним), четвертая применяла восходящий душ в биде (у Марии дома ни о каком биде и не слышали даже, но она бывала в гостях у богатых подруг, так что место для проведения эксперимента имелось).

Так или иначе, узнав, что такое мастурбация, и испробовав кое-какие новые методы из числа тех, которыми поделились с нею подруги, она навсегда отказалась от мысли уйти в монастырь. Ведь это доставляло ей наслаждение, а церковь считала секс и плотское наслаждение одним из тягчайших грехов. Все от тех же подруг наслушалась она и всяких ужасов – от онанизма по лицу прыщики идут, можно с ума сойти, а можно и забеременеть. Подвергая себя этому риску, Мария продолжала дарить себе наслаждение не реже чем раз в неделю, обычно по четвергам, когда отец уходил перекинуться с приятелями в карты.

И одновременно она чувствовала себя все менее уверенно в отношениях с мужчинами – и все больше хотелось ей уехать из родного городка. Влюбилась она в третий, потом и в четвертый раз, научилась целоваться, а оставаясь наедине со своими мальчиками, многое им – да и себе – уже стала позволять, но каждый раз в результате какой-то ее ошибки роман обрывался в тот самый миг, когда Мария окончательно убеждалась, что вот он – тот самый единственный человек, с которым она останется до конца дней.

Прошло много времени, прежде чем она пришла к такому заключению: мужчины приносят только страдания, мучения, разочарования и ощущение того, что дни еле-еле тянутся. В один прекрасный день, в парке, глядя, как молодая женщина

играет со своим двухлетним сыном, Мария решила так: мечтать о муже, детях и доме с видом на море она может, но влюбляться больше не станет ни за что, ибо страсть все только портит.

Так проходило ее отрочество. Она росла и хорошела, и особенную прелесть придавал ей ее загадочно-печальный вид, чрезвычайно привлекавший мужчин. И она встречалась с одним, потом с другим, увлекалась, предавалась мечтам – и страдала, хоть и поклялась самой себе, что никогда больше ни в кого не влюбится. Во время одного из свиданий лишилась она невинности: все произошло на заднем сиденье автомобиля, она и очередной ее кавалер целовались и обнимались с большим жаром, и, когда юноша проявил изрядную настойчивость, Мария, все подруги которой давно уже потеряли девственность, уступила ему. Не в пример мастурбации, возносившей ее на седьмое небо, настоящий секс не принес ничего, кроме болезненных ощущений, да еще досады по поводу юбки, испачканной кровью – еле-еле удалось потом отстирать. Никакого сравнения с первым поцелуем, с теми волшебными мгновениями – кружились цапли, солнце садилось, звучала в отдалении музыка... нет, она не хотела больше вспоминать про это.

Она еще несколько раз переспала с этим юношей после того, как пригрозила ему – сказала, что отец, как узнает, что ее изнасиловали, и убить может, – и превратила его в какое-то учебное пособие, пытаюсь всеми возможными способами понять, где же таится удовольствие от секса с партнером.

Пыталась да не смогла: мастурбация удовольствия доставляла гораздо больше, а хлопот – гораздо меньше. Однако не зря же журналы, телепрограммы, книги, подруги, ну все, РЕШИТЕЛЬНО ВСЕ, как сговорившись, в один голос твердили ей, что мужчина необходим. Мария даже заподозрила, что у нее что-то не в порядке в этой сфере, еще больше сосредоточилась на уроках и на какое-то время выкинула из головы это чудесное, это убийственное явление под названием Любовь.

Запись в дневнике Марии, сделанная, когда ей было 17 лет:

Моя цель – понять, что такое любовь. Знаю, что когда любила – чувствовала, что живу, а то, что со мной теперь, может, и интересно, однако не вдохновляет.

Но любовь так ужасна – я видела, как страдали мои подруги, и не хочу, чтобы подобное случилось со мной. А они раньше подшучивали надо мной и моей девственностью, а теперь спрашивают, как это мне удастся подчинять себе мужчин. Я молча улыбаюсь в ответ, потому что знаю – это лекарство хуже самой болезни: просто я не влюблена. С каждым прожитым днем все ясней мне становится, до чего же мужчины слабы, переменчивы, ненадежны, как просто сбить их с толку и застать врасплох... а папаши кое-кого из моих подруг уже подкатывались ко мне, да я их отшила. Раньше я бы возмущалась и негодовала, а теперь понимаю, что такова уж она, мужская природа.

И хотя моя цель – понять, что такое любовь, и хотя я страдаю из-за тех, кому отдавала свое сердце, вижу ясно: те, кто трогают мою душу, не могут воспламенить мою плоть, а те, кто прикасается к моей плоти, бессильны постичь мою душу.

Марии исполнилось девятнадцать, она окончила школу, устроилась продавщицей в магазин, торговавший тканями, где в нее влюбился хозяин, – но девушка к этому времени уже в совершенстве владела искусством использовать мужчин. Она ни разу не позволила ему никаких вольностей – не дала ни обнять, ни прижать, – но постоянно дразнила его и разжигала, зная силу своей красоты.

А что это такое – «сила красоты»? И как живет на свете некрасивым женщинам? У Марии было несколько подруг, которых никто не замечал на вечеринках, которых никто не спрашивал: «Как дела?» Невероятно, но факт – эти дурнушки несравненно меньше ценили перепадавшие им крохи любви, молча страдали, когда оказывались отвергнутыми, и старались смотреть в будущее, находя что-то еще помимо необходимости краситься и наряжаться, чтобы кому-то там понравиться. Они были куда более независимы и жили в ладу с самими собой, хотя, на взгляд Марии, мир должен был им казаться совершенно невыносимым.

Ну а она вполне сознавала, насколько хороша. И хотя советы матери она обычно забывала, один, по крайней мере, прочно засел у нее в голове: «Красота, доченька, – не вечна». И потому она продолжала играть с хозяином в кошки-

мышки, не отталкивая его окончательно, но и не давая слишком уж приблизиться, так что игры эти принесли ей значительную прибавку к жалованью (она ведь не знала, сколько времени сможет держать его в ожидании того дня, когда ему удастся затащить ее в постель), и это – не считая сверхурочных (в конце концов, хозяину приятно, когда она – рядом, к тому же он опасался, что она выйдет как-нибудь вечером из дому да и встретит большую чистую любовь). Она проработала двадцать четыре месяца кряду, дала денег родителям и вот наконец исполнила свое давнее намерение. Мария скопила достаточно, чтобы провести неделю в городе своей давней горячей мечты – Рио-де-Жанейро, визитная карточка страны, место, где живут знаменитости и звезды!

Хозяин предложил поехать с нею, пообещал взять на себя все расходы, но Мария выкрутилась – наврала, что мать поставила ей единственное и неперемное условие: если уж она отправляется в одно из самых опасных в мире мест, то ночевать должна будет непременно у своего двоюродного брата, мастера восточных единоборств.

– Да и потом, на кого же вы оставите магазин? У вас ведь нет человека, которому бы вы доверяли.

– Говори мне «ты», – сказал он, и в глазах у него Мария увидела уже знакомый ей огонек страсти. Ее это удивило – ей-то казалось, что у него на уме только секс. Но глаза его говорили иное: «Я могу дать тебе и дом, и семью, и деньги для твоих родителей». Что ж, она решила подкинуть в костер еще хворосту, чтоб огонь разгорелся поярче.

И сказала, что будет очень скучать без любимой работы и в разлуке с теми, к кому успела так сильно привязаться (она специально выразилась так расплывчато: пусть-ка он помучается, попытаюсь отгадать, входит ли он в число «тех»), и пообещала, что будет соблюдать всяческую осторожность, чтоб не лишиться ни бумажника, ни чести. Но на самом деле ей просто хотелось, чтобы никто – ни один человек на свете! – не испортил ей первую неделю полнейшей свободы. Она будет делать все, что придет в голову: купаться в океане, разговаривать с незнакомыми, разглядывать витрины дорогих магазинов и внутренне готовиться к тому, что появится прекрасный принц и увезет ее с собой навсегда.

– Да и что такое, в конце концов, одна неделя?! – спросила она с обольстительной улыбкой. – Пролетит – и не заметишь. Скоро я вернусь и приступлю к своим обязанностям.

Безутешный хозяин еще немного поспорил, а потом сдался, ибо он к этому времени, никому ничего не говоря, для себя уже решил твердо: когда Мария вернется, он предложит ей руку и сердце. Ему не хотелось выглядеть в ее глазах чересчур настырным и тем испортить все дело.

Двое суток в автобусе – и вот Мария уже в третьеразрядном отельчике на Копакабана (О Копакабана! О это море! О это небо!..). Даже не стала распаковывать чемоданы, а только вытащила купленный перед отъездом бикини, надела его и, хоть небо было затянуто облаками, побежала на пляж. Взглянула на море, почувствовала страх, но, умирая со стыда, все же вошла в воду.

На пляже никто не заметил, что произошла первая встреча этой девушки с океаном, с царицей вод Йеманжей, с морскими течениями, с пеной волн, а стало быть – и с лежащим по ту сторону Атлантики африканским побережьем со всеми его львами. Когда же она вышла из воды, ее тотчас атаковали трое: какая-то женщина попыталась продать ей сэндвич «из натуральных продуктов», чернокожий красавец предложил, если, конечно, она свободна сегодня, прогуляться вечерком, а еще какой-то господин, ни слова не говоривший по-португальски, знаками пригласил ее выпить с ним кокосового молока.

Мария купила сэндвич, постеснявшись сказать «нет», но беседы с двумя другими не поддержала. С каждой минутой ей становилось все тяжелее на сердце: зачем, если она могла делать все, что ей заблагорассудится, зачем она так постыдно повела себя? Подходящего объяснения не нашлось, и она, удивляясь и собственной смелости, и тому, что уже середина лета, а вода холодная, решила сесть да подождать, пока из-за туч выглянет солнце.

Господин, не говоривший по-португальски, немедленно возник поблизости, держа в руках кокос, который ей и предложил. Мария, радуясь, что с ним не надо разговаривать, предложение приняла, выпила молока и улыбнулась, а тот улыбнулся в ответ. Несколько минут прошло в таком приятном и безмолвном общении – ты мне улыбку, я тебе – две, но вот иностранец достал из сумки

словарик в красном переплете и с жутким акцентом произнес: «Красивая». Мария снова улыбнулась: она, конечно, ждет встречи с волшебным принцем, но принц этот должен говорить на ее языке и быть чуточку помоложе.

Листая словарик, чужестранец проявил настойчивость:

– Ужинать сегодня? – И тотчас добавил: – Швейцария!

И потом еще два слова, которые, на каком языке их ни произноси, звучат райской музыкой:

– Работа! Доллар!

Ресторан под названием «Швейцария» был Марии неизвестен, но она подумала: да неужто все делается само собой, а мечты сбываются так стремительно?! Нет, благоразумней будет отказаться: большое спасибо, но сегодня я занята, а покупать доллары мне нет необходимости.

Иностранец, который ни слова не понял из ее ответа, был близок к отчаянию и после долгой череды улыбок на несколько минут оставил ее и вернулся с переводчиком. С его помощью он объяснил, что приехал из Швейцарии (это вовсе даже не ресторан, а страна такая) и что желал бы с нею сегодня поужинать, поскольку хочет сделать ей деловое предложение – относительно трудоустройства. Переводчик, отрекомендовавшийся помощником иностранца и охранником отеля, в котором тот остановился, добавил от себя:

– Я бы на твоём месте согласился. Этот дядя – знаменитый импресарио, он ищет одаренных девушек для работы в Европе. Если хочешь, познакомлю тебя кое с кем из тех, кто принял его предложение, а теперь разбогатели, удачно вышли замуж, и теперь их детям не грозит безработица или смерть.

И, желая произвести на Марию впечатление, блеснул своей осведомленностью:

– Помимо прочего, в Швейцарии делают замечательные часы и шоколад.

Артистический опыт Марии ограничивался исполнением роли разносчицы воды – молча выходявшей на сцену и так же безмолвно ее покидавшей – в пьеске о

Страстях Христовых, которую префектура из года в год ставила на Святой неделе. В автобусе выспаться ей не удалось, однако она была взбудоражена морем, утомлена сэндвичами из натуральных и не совсем натуральных продуктов, растеряна тем, что никого в этом городе не знает. Она и раньше попадала в ситуации, когда мужчина сулит золотые горы, а не дает ничего, так что знала: и эта история – всего лишь попытка привлечь ее внимание.

Но она не сомневалась, что этот шанс дает ей Пресвятая Дева, и была уверена в том, что ни одна секунда ее отпускной недели не должна пропасть даром, а кроме того знала: поужинает в хорошем ресторане – будет что рассказать по возвращении. По всему по этому она решила принять приглашение – с тем условием, что и переводчик тоже пойдет, ибо уже устала улыбаться и делать вид, что понимает, о чем говорит иностранец.

Дело за малым – Марии не в чем было идти в ресторан. Препятствие казалось непреодолимым – женщина скорее признается, что муж ей изменяет, чем в том, что у нее нет подходящего туалета. Но Мария, рассудив, что людей этих она не знает и никогда больше не увидит, решила, что терять ей нечего:

– Я только что приехала с Северо-Востока, у меня платья нет.

Иностранец через переводчика попросил ее ни о чем не беспокоиться и дал адрес своего отеля. В тот же день, ближе к вечеру, она получила платье, какого в жизни своей не видала, а в придачу – пару туфель, которые стоили столько, сколько Мария зарабатывала за год.

И она почувствовала, что делает первые шаги по дороге, которая грезилась ей в бразильских сертанах, где прошли ее детство и ранняя юность, где года не проходит без засухи, где юношам некуда податься, где стоит ее городок – с бедными, но честными жителями, – где жизнь не бьет ключом, а течет вялой струйкой, и один день неотличимо схож с другим. А теперь она станет принцессой Вселенной! Иностранец предложил ей работу, доллары, пару баснословно дорогих туфель и платье из волшебной сказки! Оставалось подкраситься, и тут на помощь пришла девушка-портье из захудалого отеля, где Мария остановилась: выручила да вдобавок предупредила, что не все иностранцы порядочные люди, как не все жители Рио-де-Жанейро бандиты.

Мария это предупреждение пропустила мимо ушей, облачилась в почти что с неба упавшее платье и, сокрушаясь, что не прихватила из дому фотоаппарат, чтобы запечатлеть себя на память, вертелась перед зеркалом несколько часов – до тех пор пока не поняла, что опаздывает на встречу. Выскочила опрометью – этакая Золушка на балу! – и помчалась в тот отель, где жил швейцарец.

Велико было ее удивление, когда переводчик с ходу объявил, что с ними не пойдет:

– Язык – дело десятое. Главное – чтоб ему было с тобой уютно.

– Какой же тут уют, если он не понимает, что я говорю?!

– И не надо. Это даже хорошо. Нужно, чтобы токи шли.

Мария не поняла, что это значит. У нее на родине люди, когда встречались, должны были спрашивать и отвечать, обмениваться какими-то словами. Но Маилсон – так звали переводчика-охранника – заверил ее, что в Рио и во всем остальном мире дело обстоит иначе.

– Ничего тебе не надо понимать. Твое дело – позаботиться о том, чтобы он хорошо себя чувствовал. Он бездетный вдовец, владелец кабаре, вот и ищет бразильянок, которые бы там выступали. Я сказал ему, что ты, как у нас говорят, «не по этому делу», но он уперся, сказал, что влюбился в тебя с первого взгляда, как только ты вышла из воды. И купальник твой ему понравился.

Он помолчал.

– Но я тебе дам добрый совет: если хочешь подцепить здесь кого-нибудь, купальник надо завести другой. Кроме этого швейцарца, он никому в Рио понравиться не может – очень уж старомодный. Таких давно не носят.

Мария сделала вид, будто не слышит.

– И еще я думаю, – продолжал Маилсон, – что он не просто так на тебя запал, как у нас говорят. Он уверен, что у тебя есть все данные для того, чтобы твой номер стал гвоздем программы. Ясное дело, он не видел, как ты танцуешь, не слышал,

как поешь, но считает: это все – дело наживное. А вот красота – то, с чем надо родиться. Европейцы, они такие – приезжают сюда в полной уверенности, будто бразильянки в смысле темперамента все до единой – не женщины, а вулкан и все умеют танцевать самбу. Если у него и вправду серьезные намерения, советую до того, как покинешь страну, заключить с ним контракт, и пусть заверит подпись в швейцарском консульстве. Завтра я буду на пляже у отеля: разыщи меня, если будет что неясно.

Швейцарец с улыбкой взял Марию за руку и показал на стоявшее в ожидании такси.

– Ну а если у него – или у тебя – возникнут другие планы, помни, что за ночь здесь берут триста долларов. На меньшее не соглашайся.

Прежде чем Мария успела ответить, они уже сидели в такси, а швейцарец повторял заранее выученные слова. Разговор был простой:

– Работать? Доллары? Бразильская звезда?

А Мария тем временем вспоминала последние слова переводчика – триста долларов за ночь! Это целое состояние! И не надо страдать из-за любви – она ведь может соблазнить его, как соблазнила хозяина магазина, выйти за него замуж, завести ребенка, обеспечить сносную жизнь родителям. Что ей терять? Швейцарец уже стар, долго не протянет, а она останется богатой вдовой – Марии казалось, что в Швейцарии денег много, а женщин – мало.

Ужин проходил в молчании – улыбка, улыбка в ответ, – и Мария стала постепенно понимать, что такое «ток пошел», а ее спутник показал ей альбом с надписями на неведомом ей языке и фотографиями женщин в бикини (действительно, не чета ее купальнику – красивей и откровенней), вырезки из газет, яркие, крикливые афиши и буклеты, где мелькало единственное знакомое слово – «Бразилия». Мария много пила, боясь, что вот-вот последует то самое предложение (хотя ей в жизни еще такого не предлагали, но триста долларов на дороге не валяются, а от выпитого все становилось как-то проще, особенно если вспомнить, что никого из ее родного городка поблизости нет). Однако швейцарец вел себя как настоящий джентльмен – даже пододвигал ей стул, когда она садилась. Наконец она сказала, что очень устала, и назначила ему

свидание на завтра, на пляже (ткнула пальцем в цифру на циферблате часов, сделала волнообразное движение и медленно повторила несколько раз «завтра»).

Он вроде бы понял, тоже посмотрел на свои часы (наверняка швейцарские) и кивнул.

Спала она плохо. А когда все же удалось задремать, приснилось, будто все, что было, – сон. Но, проснувшись, поняла – нет, не сон: в скромном номере на спинке стула висело платье, под стулом стояли туфли, в условленный час на пляж должен был прийти швейцарец.

Запись в дневнике Марии, сделанная в день знакомства со швейцарцем:

Все мне подсказывает, что я готова совершить ошибку, но не ошибается тот, кто ничего не делает. Чего хочет от меня мир? Чтобы я не рисковала? Чтобы вернулась туда, откуда пришла, и не осмелилась сказать жизни «да»?

В одиннадцать лет, в тот день, когда мальчик спросил, нет ли у меня лишней ручки, я совершила ошибку. Именно тогда я поняла, что жизнь не всегда дает вторую попытку и что подарки, которые иногда она тебе преподносит, лучше принимать. Да, я рискую, но не больше, чем решившись сесть в автобус, привезший меня в Рио, – ведь он мог попасть в аварию. Если я должна хранить верность кому-то или чему-то, то в первую очередь – самой себе. Если ищу любви истинной и большой, то сначала надо устать от мелких чувств, случайных романов. Мой ничтожный опыт учит меня: никто не владеет ничем, все на свете призрачно и зыбко – и это касается и материальных благ, и духовных ценностей. Человек, которому случалось терять то, что, как ему казалось, будет принадлежать ему вечно (а со мной такое бывало часто), в конце концов усваивает, что ему не принадлежит ничего.

А если мне ничего не принадлежит, я не могу тратить свое время на заботы о том, что не мое; лучше жить так, словно сегодня – первый (или последний) день твоей жизни.

На следующий день, в присутствии Маилсона, переводчика-телохранителя, который теперь называл себя еще и ее импресарио, Мария сказала, что принимает предложение – если получит документ, заверенный в консульстве. Швейцарец, для которого такое условие было, по всей видимости, не в новинку, ответил, что и сам этого хочет, поскольку для работы в его стране нужна официальная бумага, где черным по белому было бы написано: никто, кроме нее, не сможет делать то, что собирается делать она. Достать такой документ нетрудно – у швейцарских женщин нет призвания к самбе. Они отправились в центр города, и Маилсон потребовал комиссионные – 30 процентов от полученных Марией 500 долларов.

– Сейчас идет неделя выплат. Одна неделя, понимаешь? Ты будешь получать 500 долларов в неделю, но уже без вычетов, потому что я беру деньги только с первой выплаты.

До этой минуты предстоящее путешествие, сама мысль о том, чтобы куда-то уехать, – все казалось нереальным, чем-то вроде мечты, а мечта – штука очень удобная, потому что мы вовсе не обязаны осуществлять то, о чем мечтаем. Мы избавлены от риска, от горечи неудач, от тяжких минут, а состарившись, всегда можем обвинить кого-нибудь – родителей (это бывает чаще всего), или супругов, или детей – в том, что не добились желаемого.

И вот появляется шанс, на который мы так надеялись, но лучше бы его не было! Сможет ли она достойно ответить на вызов жизни, ей неведомой, сумеет ли избежать опасностей, о которых даже не подозревает? Как оставит все, к чему привыкла? Почему Пречистая Дева простерла свою щедрость уж так далеко?

Мария утешала себя тем, что в любую минуту сможет отказаться от этой затеи, обратить все дело в шутку, заявить, что не несет никаких обязательств, – дескать, просто хотела новых впечатлений, чтобы, вернувшись домой, было что рассказать. В конце концов, живет она за тысячу километров отсюда, в бумажнике у нее – 350 долларов, и, если завтра она решит собрать чемоданы и сбежать домой, ее никогда не найдут.

Вечером того дня, когда они ходили в консульство, Марии захотелось пройтись одной по берегу моря, разглядывая детей, волейболистов, нищих, пьяниц, продавцов кустарных поделок (типично бразильских сувениров, изготовленных,

правда, в Китае), тех, кто бегал трусцой или занимался гимнастикой в чайнии отогнать старость, иностранных туристов, мамаш, пестующих своих чад, пенсионеров, играющих в карты. Вот она приехала в Рио-де-Жанейро, побывала в ресторане самого наипервейшего разряда, в швейцарском консульстве, познакомилась с иностранцем, с его переводчиком, получила в подарок платье и туфли, которые в ее городке никому – никому решительно – были не по карману.

А что теперь?

Она смотрела на линию горизонта, за которым скрывался противоположный берег моря: учебник географии утверждал, что, если двигаться по прямой, окажешься прямо в Африке, где львы и гориллы. А если отклониться немного к северу, попадешь в волшебное царство под названием Европа, где есть Эйфелева башня, и башня Пизанская, и Диснейленд. Что она теряет? Как и всякая бразильянка, она научилась танцевать самбу раньше, чем выговаривать слово «мама»; не понравится – всегда можно вернуться. Тем более что она уже усвоила – подвернувшись возможность надо использовать.

Слишком уж часто говорила она «нет», когда хотела бы сказать «да». Слишком твердо решила испытать лишь то, что можно будет взять под контроль – вот хоть ее романы, к примеру. Теперь она стояла перед неизведанным – таким же, каким было это море для тех, кто впервые отправлялся по нему в плавание: это она помнила по школьным урокам истории. Конечно, можно сказать «нет» и на этот раз, но не будет ли она до конца дней корить себя, как после той истории с мальчиком, спросившим, нет ли у нее лишней ручки, а вместе с ним исчезла и первая любовь? Можно сказать «нет», но почему бы не попробовать на этот раз сказать «да»?!

По одной простой причине: она – девушка из глухой провинции, она ничего в жизни не видела и не знала, и за душой у нее не было ничего, кроме средней – более чем средней – школы, могучей культуры телесериалов и убежденности в своей красоте. Этого явно недостаточно, чтобы смотреть жизни в лицо.

Она видела, как несколько человек, смеясь, смотрят на волны, а войти в море боятся. Всего два дня назад и она была такой же, как они, а теперь ничего не боится, бросается в воду, когда захочет, словно родилась в здешнем краю. Может быть, и в Европе произойдет то же самое?

Она произнесла про себя молитву, снова прося у Пречистой совета, и через минуту решимость окрепла в ней – она почувствовала себя под защитой. Да, всегда можно вернуться, но не всегда выпадает шанс уехать так далеко. Стоит рискнуть, если на одной чаше весов – мечта (особенно если швейцарец не передумает), а на другой – двое суток обратного пути в автобусе без кондиционера.

Мария так воодушевилась, что, когда швейцарец снова пригласил ее поужинать, попыталась придать себе томно-чувственный вид и даже взяла его за руку, которую он тотчас отдернул. И вот тогда – со смешанным чувством страха и облегчения – она поняла, что дело затевается серьезное.

– Звезда самбы! – сказал он. – Красивая звезда бразильской самбы! Ехать – через неделя!

Все было чудом, но это «через неделя» выходило уже за все мыслимые рамки. Мария объяснила, что не может принять такое решение, не посоветовавшись с родителями. Тогда швейцарец сунул ей под нос копию подписанного ею документа, и тут она испугалась по-настоящему.

– Контракт!

Хоть она и решила для себя, что поедет, но сочла нужным все же посоветоваться с Маилсоном – даром, что ли, он стал называть себя ее импресарио? Совсем даже не даром, а за неплохие деньги.

Но Маилсону в это время было не до нее – он был занят тем, что старался соблазнить немецкую туристку, которая только что поселилась в отеле и загорала топлес, поскольку была совершенно убеждена, что в Бразилии царят самые свободные нравы (и не замечала, что на пляже она одна ходит, выставив голые груди на всеобщее обозрение, отчего всем остальным слегка не по себе). С трудом удалось привлечь его внимание к тому, что говорила Мария.

– Ну а если я передумаю? – допытывалась она.

– Я не знаю, что там в контракте, но думаю, швейцарец притянет тебя к суду.

- Да он в жизни меня не разыщет!

- Тоже верно. В таком случае, не беспокойся.

Однако беспокоиться начал швейцарец, уже заплативший ей 500 долларов и потратившийся на платье, туфли, два ужина в ресторане и на оформление контракта в консульстве. И когда Мария опять стала настаивать, что должна поговорить с родителями, он решил купить два билета на самолет и лететь вместе с нею в ее городок – с тем чтобы за 48 часов все уладить, а через неделю, как и было задумано, вернуться в Европу. Опять были улыбки и улыбки в ответ, но Мария начала понимать, что речь идет о документе, а с документами, так же, как с обольщением и с чувствами, шутки плохи.

Весь городок был ошеломлен, когда его жительница – красавица Мария – вернулась из Рио в сопровождении иностранца, который приглашал ее в Европу, чтобы сделать звездой. Об этом узнали все соседи – ближние и дальние, – а все одноклассницы задавали только один вопрос: «Как это у тебя вышло?»

- Повезло, – отвечала Мария.

Но подруги продолжали допытываться, со всякой ли, кто приезжает в Рио, случается подобное, потому что это было очень похоже на эпизод «мыльной оперы». Мария не говорила ни «да» ни «нет», чтобы придать особую ценность обретенному ею опыту и показать девчонкам, что она – человек особый.

У нее дома швейцарец снова достал свой альбом, буклет и контракт, а Мария тем временем объясняла, что у нее теперь есть свой импресарио и она желает сделать артистическую карьеру. Мать, мельком глянув на те крошечные бикини, в которых были запечатлены девушки на фотографиях, тотчас отдала альбом и ни о чем не пожелала спрашивать. Ей было важно, только чтобы ее дочь была счастлива и богата или несчастлива – но все равно богата.

- Как его имя?

- Роже.

- По-нашему выходит Рожерио! Моего двоюродного брата так звали.

Швейцарец улыбнулся, захолопал в ладоши, так что всем стало ясно – смысл вопроса он уловил. Отец сказал Марии:

– Да он вроде бы мой ровесник.

Но мать попросила его не вмешиваться, не мешать счастью дочери. Как и все портнихи, она много разговаривала с клиентками и приобрела большие познания в вопросах любви и супружеской жизни, а потому посоветовала:

– Знаешь, что я тебе скажу, доченька: лучше несчастливая жизнь замужем за богатым, чем, как говорится, рай в шалаше. Не бывает в шалаше рая. А там, куда ты отправляешься, у тебя больше шансов стать если не счастливой, так богатой. А не выгорит дело – сядешь в автобус да прикатишь домой.

Мария, хоть и выросла в захолустье, но все же была поумней, чем представлялось матери или будущему мужу.

– Мама, из Европы в Бразилию автобусы не ходят, – сказала она для того лишь, чтобы посмотреть, что из этого выйдет. – И потом, я же не мужа себе ищу, а собираюсь стать артисткой.

Мать поглядела на нее едва ли не с отчаянием:

– Если «туда» доедешь, то и «обратно» доберешься. Артисткой хорошо быть, пока девушка совсем еще молоденькая, пока красота ее при ней. Это лет до тридцати. А потому не теряйся, найди себе честного и порядочного человека, да чтоб любил тебя, и выходи за него замуж. И о любви особенно не заботься – я поначалу совсем не любила твоего отца, но за деньги все на свете купишь – в том числе и настоящую любовь. А ведь твой отец совсем даже не богач.

Да, это был совет не подруги, а матери. И 48 часов спустя Мария снова уже была в Рио, хотя перед отъездом успела зайти – одна, разумеется, – в тот магазин, где работала до своего отпуска, и попросить расчет.

– Слышал, слышал, что знаменитый французский импресарио решил взять тебя в Париж, – сказал ей хозяин. – Удерживать тебя и отговаривать не стану, ищи свое счастье, просто хочу тебе кое-что сказать перед разлукой.

Он достал из кармана ладанку на шнурке.

– Это – чудотворная ладанка Приснодевы Благодатной. В Париже есть собор, выстроенный в ее честь, так что в случае чего можно туда сходить и попросить у Нее защиты. Видишь, что тут написано?

И Мария заметила, что вокруг образа Девы выведены слова: «Мария, без греха зачавшая, молись за нас и прими нас под Свой покров. Аминь».

– Слова эти повторяй хотя бы раз в день. И... – он заколебался, но было уже поздно, – ...и если когда-нибудь надумаешь вернуться, знай – я жду тебя. Я упустил возможность сказать тебе одну простую вещь: «Я люблю тебя». Может быть, уже поздно, но все-таки мне хочется, чтобы ты знала об этом.

Что значит «упустить возможность» Мария узнала рано. А слов «я люблю тебя» она к своим двадцати двум годам наслушалась предостаточно, причем ей стало казаться, что слова эти совершенно лишены смысла – ведь ничего серьезного, глубокого, прочного и длительного они не приносили. И она поблагодарила хозяина, спрятала эти слова куда-то в дальний уголок своей памяти (никогда ведь не знаешь, какие каверзы подстроит нам жизнь, а помнить, что в чрезвычайных обстоятельствах есть куда броситься, – приятно), одарила его целомудренным поцелуем в щечку и ушла не оглядываясь.

Вернулись в Рио, всего за один день выправили ей паспорт («Бразилия и вправду сильно изменилась», – сказал по этому поводу Роже, используя два-три португальских слова и несколько иностранных, которые Мария перевела как: «А раньше сколько с этим было мороки!»). Вскоре с помощью импресарио-охранника-переводчика Маилсона было приобретено и все недостающее: одежда, обувь, косметика – словом, все, о чем такая женщина, как Мария, могла только мечтать. Накануне отлета Роже сводил ее в кабаре и обрадовался, узнав, кто из танцовщиц понравился ей больше всего, – Мария, обнаружив хороший вкус, отдала предпочтение настоящей звезде, выступавшей в кабаре «Колоньи», смуглой красотке со светлыми глазами и волосами цвета крыла грауны (есть в Бразилии такая птица, с ее оперением местные писатели любят сравнивать иссиня-черные волосы). Виза с разрешением на работу была получена в консульстве, чемоданы уложены, и на следующий день они отправились в страну, славящуюся часами, шоколадом и сырами, причем Мария была твердо

намерена обольстить своего швейцарца – в конце концов, он не так уж и стар, совсем не уродлив и явно не беден. Что еще нужно?

Мария была измучена долгим перелетом, но дело было не только в усталости: она еще в аэропорту почувствовала, как сердце щемит от страха, ведь она – в полной власти этого человека, не знает ни страны, ни языка, а тут так холодно... А Роже менялся прямо на глазах: он явно не стремился ей понравиться, и хоть и раньше никогда не пытался поцеловать ее или взять за грудь, но теперь всем своим видом демонстрировал полное отчуждение. Он отвез ее в маленький отель и познакомил с соотечественницей – молодой и печальной женщиной по имени Вивиан, которой и поручил подготовить Марию к работе.

Вивиан бесцеремонно смерила ее неласковым взглядом, хотя могла бы и потеплее отнестись к землячке, впервые оказавшейся за границей. И, не тратя времени на расспросы о самочувствии, перешла прямо к делу:

– Иллюзий не строй. Каждый раз, как кто-нибудь из его танцовщиц выходит замуж – а происходит это довольно часто, – Роже отправляется в Бразилию. Он знает, чего хочет, да и ты, я думаю, тоже. И сюда приехала за чем-то одним из трех – либо за новыми впечатлениями, либо за деньгами, либо мужа искать.

Как она догадалась? Неужели все на свете хотят одного и того же? Или Вивиан умеет читать мысли?

– Все, кто попадает сюда, ищут этого, – продолжала Вивиан, и Мария окончательно убедилась в том, что да, умеет. – Что касается впечатлений, то здесь слишком холодно, да и денег на путешествия не хватит. Насчет денег. Чтобы заработать на обратный билет и возместить расходы на стол и кров, тебе придется вкалывать целый год.

– Но...

– Знаю, знаю – вы так не договаривались. А на самом деле ты, как и все остальные, просто-напросто забыла спросить об этом. Была бы ты поосмотрительней, прочла бы контракт повнимательней – знала бы поточней, куда попала. Дело в том, что швейцарцы не лгут, а просто о многом умалчивают.

Мария почувствовала, как пол уходит у нее из-под ног.

– Ну и наконец последнее. Муж. Каждое замужество – это ощутимый удар по финансам Роже, а потому он костыми ляжет, чтобы не допустить этого: нам запрещено даже разговаривать с клиентами. Чтобы познакомиться с кем-нибудь, тебе придется сильно рисковать. У нас это не получится. У нас обстановка такая... семейная, что ли. Это тебе не Бернская улица.

Бернская улица?

– К нам приходят супружеские пары, ну и туристы – их обычно немного, – а те, кто ищут себе подругу, отправляются куда-нибудь еще. Научись танцевать. Если научишься еще и петь, тебе будут больше платить. А завидовать – еще больше. Так что, даже если у тебя лучшее сопрано во всей Бразилии, забудь о нем и петь не пытайся. И главное – не увлекайся телефонными разговорами. Прозвонишь все, что заработаешь, а зарабатывать ты будешь очень немного.

– Он обещал мне пятьсот долларов в неделю!

– Ладно, сама увидишь.

Запись в дневнике Марии, сделанная через полторы недели после прилета в Швейцарию:

Была в кабаре, познакомилась с «хореографом». Он родом из страны под названием Марокко, никогда в жизни не бывал в Бразилии, однако заставлял меня без конца повторять па того, что он именует «самбой». Я даже не успела отдохнуть после долгого перелета, сразу, в первый же вечер пришлось улыбаться и танцевать. Кроме меня, работают еще пять девушек, ни одна не призналась, что счастлива, ни одна толком не понимает, зачем она здесь. Посетители пьют, аплодируют, шлют воздушные поцелуи, украдкой делают непристойные жесты, но дальше этого дело не идет.

Вчера мне заплатили жалованье – ровно десятую часть от оговоренной суммы, все остальное по условиям контракта ушло на авиабилет и гостиницу. Вивинан

предсказывает, что так будет продолжаться около года – и в течение этого срока сбежать мне не удастся.

Да и надо ли? Я только что прилетела, я еще ничего здесь не знаю. И так ли уж трудно танцевать по вечерам семь дней в неделю? Раньше я делала это для собственного удовольствия, теперь буду делать ради денег и славы. Ноги меня пока не подводят, трудно только улыбаться целый вечер.

Передо мной выбор – стать жертвой этого мира или авантюристкой, которая ищет клад. Все зависит от того, как я сама буду смотреть на себя и свою жизнь.

Мария выбрала для себя второе. Надо искать спрятанные сокровища, а чувства отставить в сторону, не рыдать в подушку ночами напролет, забыть обо всем, что было и кем была прежде. Вскоре она убедилась, что обладает достаточной силой воли, чтобы притвориться, будто только что родилась и потому ни о ком не тоскует. Чувства могут и обождают, сейчас надо зарабатывать деньги, узнать чужую страну и вернуться домой победительницей.

Впрочем, все вокруг нее напоминало Бразилию вообще и ее родной городок – в частности: звучала португальская речь, девушки громогласно жаловались на мужчин, на тяжкий труд, опаздывали в казино, дерзили хозяину, и каждая считала себя первой в мире красавицей, каждая рассказывала истории о своем волшебном принце, а принцы эти, все как один, оказывались либо где-нибудь за тридевять земель, либо женаты, либо так бедны, что жили за счет своих возлюбленных. Обстановка была совсем не похожа на то, что она себе навоображала, разглядывая буклеты и афиши, а вот Вивиан определила ее точно – все по-семейному. Девушкам не разрешалось принимать приглашения посетителей или вступать с ними в интимные отношения, поскольку все они в соответствующих формулярах значились «исполнительницами самбы». Поймают за телефонным разговором – вычтут жалованье за полмесяца. И Марию, которая представляла себе все это совсем иначе – гораздо живей и веселей, – стало постепенно охватывать гнетущее чувство тоски и уныния.

Первые недели она вообще редко покидала свой отель – а вернее, пансион, – особенно когда обнаружила, что здесь никто не понимает ее языка, даже если она ПРО-ИЗ-НО-СИТ каждую фразу по слогам. Очень ее удивило и то обстоятельство, что город, в котором она оказалась, местные называли

«Женева», а ее землячки – «Женебра».

И вот наконец после долгих томительных раздумий в четырех стенах своего маленького номера, где даже телевизора не было, сделала она два умозаключения: во-первых, она никогда не найдет то, что ищет, пока не сможет выразить то, что думает, а потому надо выучить местный язык; во-вторых, поскольку все ее товарки стремятся к одному и тому же, надо стать другой.

Но как этого добиться, она пока себе не представляла.

Запись в дневнике Марии, сделанная через четыре недели после прилета в Женеву:

Мне кажется, прошла уже целая вечность. Я не понимаю ни слова из того, что говорят вокруг, и потому часами слушаю музыку по радио, разглядываю свой номер, вспоминаю Бразилию и нетерпеливо жду минуты, когда надо будет идти на работу, а когда работаю, нетерпеливо жду минуту, когда можно будет возвращаться домой. Иными словами, я живу не настоящим, а будущим.

Когда-нибудь, в этом самом будущем – должно быть, отдаленном – я смогу купить билет на самолет, вернуться в Бразилию, а там выйду замуж за владельца магазина тканей и буду слушать ехидные замечания подруг, которые никогда не рисковали сами, а потому только и могут, что радоваться неудачам других. Нет, этого не будет! Я лучше выброшусь из самолета над океаном!

Но поскольку окна в самолете не открываются (кстати, для меня это было неприятной неожиданностью – как жалко, что нельзя вдохнуть чистого воздуха поднебесья!), то умру я здесь. Но перед тем, как умереть, я еще поборюсь за жизнь. Если бы я не боялась заблудиться в незнакомом городе, то пошла бы куда глаза глядят.

На следующий же день, не откладывая, она записалась на дневные курсы французского языка; там она увидела людей всех возрастов, рас и цветов кожи – мужчин в ярких одеждах, с многочисленными золотыми цепями и браслетами,

женщин под неизменным покрывалом, детей, которым иностранный язык давался много легче, чем их родителям, – а ведь должно быть наоборот: взрослые-то накопили больше опыта. Мария гордилась тем, что все они знали про ее страну – карнавал, самба, футбол – и самого прославленного ее гражданина по имени Пеле, которого они упорно называли Пйле, несмотря на все старания Марии объяснить, что он ПелЕ! ПелЕ-Е-Е!!! – впрочем, потом она отказалась от идеи исправить им произношение, ибо ее и саму-то называли МариЯ, и что это за пристрастие такое у иностранцев коверкать имена и при этом считать, что они правы?!

Днем для языковой практики она пошла погулять по этому городу с двумя названиями, обнаружила вкуснейший шоколад, сыр, какого никогда раньше не пробовала, огромный фонтан посреди озера, снег, по которому ни разу в жизни не ступала нога ее земляков, аистов, рестораны с каминами (она, правда, ни в одно такое заведение не заходила, но с улицы видела огонь, и от этого возникало приятное ощущение – как будто этот огонь согревал и душу). Очень удивилась она, когда поняла, что вовсе не все вывески призывают покупать часы, есть еще и банки, хоть и непонятно, куда столько – жителей-то в этой стране мало. И еще заметила, что внутри этих самых банков почти никого и нет, но решила ни о чем не спрашивать.

После трех месяцев постоянного самоконтроля на работе в ней взыграла и забурлила ее бразильская кровь – недаром же все считают бразильянок самыми чувственными и сексуальными, – и Мария завела романчик с арабом, который тоже учил французский в одной группе с нею. Длилась эта связь три недели – до тех пор, пока однажды вечером Мария, махнув на все рукой, не решила съездить со своим возлюбленным в горы в окрестностях Женевы. А когда вернулась и пришла на следующий день в кабаре, ее позвали в кабинет Роже.

Она переступила порог – и тотчас была уволена, чтоб другим девушкам неповадно было. Роже чуть не в истерике кричал, что сбылись его худшие ожидания, что в очередной раз он убедился – на бразильянок нельзя положиться (отчего же нельзя? Очень даже можно). Не помогли ее объяснения – она, мол, очень плохо себя чувствовала, от перемены климата у нее поднялась температура. Швейцарец не внял и еще посетовал, что вот, мол, изволь-ка снова лететь в Бразилию искать ей замену и что лучше бы он набрал югославских танцовщиц, которые и красивей, и гораздо ответственней относятся к своим обязанностям.

Мария при всей своей молодости была далеко не глупа, и вдобавок ее арабский друг объяснил, что по суровым швейцарским законам о труде она может подать на Роже в суд за эксплуатацию, тем более что большая часть заработанных ею денег достается заведению.

И она вернулась в кабинет Роже и поговорила с ним на вполне приличном французском языке, употребив слово «адвокат», и, благодаря этому волшебному заклинанию, вышла оттуда, унося залп проклятий и пять тысяч долларов неустойки – деньги неслыханные. Теперь она могла сколько угодно встречаться со своим арабом, покупать подарки, сфотографироваться на снегу и вернуться домой с победой.

Первым делом она позвонила соседям и попросила передать родителям, что у нее все замечательно, она счастлива, перед ней открывается блестящее будущее, так что пусть не беспокоятся. Вслед за тем – поскольку номер в гостинице, снятый для нее Роже, следовало освободить незамедлительно – оставалось только отправиться к арабу, поклясться ему в вечной любви, принять его веру и выйти за него замуж, даже если придется теперь всегда носить на голове этот странный платок, ничего страшного: всем ведь известно, что арабы очень богаты, и этого достаточно.

Однако араб к этому времени был уже далеко – наверно, где-нибудь в своей Аравии, стране, Марии неведомой, так что она поблагодарила Пречистую Деву за то, что не пришлось изменять своей вере. Теперь, сносно объясняясь по-французски, обладая достаточной суммой, чтобы купить билет на самолет, карточкой, которая черным по белому удостоверяла, что она – «исполнительница самбы», видом на жительство – тоже вещь не последняя – и твердо памятуя, что на самый крайний случай остается у нее хозяин магазина тканей, решила Мария сделать то, что было ей, как она считала, вполне по силам. А именно – зарабатывать деньги своей красотой.

Еще в Бразилии прочла она книжку про одного пастуха по имени Сантьяго, который преодолевал множество препятствий, отыскивая свои сокровища, причем препятствия эти только помогали ему обрести желаемое. Но это же просто про нее! Теперь она была совершенно убеждена, что работу потеряла для того, чтобы найти свое истинное призвание – стать фотомodelью и манекенщицей.

Она сняла дешевую квартирку (даже без телевизора – надо было экономить, пока еще не загребают деньги лопатой) и уже на следующее утро начала ходить по агентствам и в каждом услышала одно и то же: надо, мол, оставить снимки, сделанные профессиональным фотографом. Но Мария, сообразив, что эти расходы – даже и не расходы, а вложение капитала и они должны окупиться, а осуществление мечты стоит дорого, большую часть денег ухнула на услуги замечательного фотографа, который говорил мало, а брал много. В студии у него стоял исполинских размеров шкаф, и Мария позировала в самых разнообразных, изысканных и весьма экстравагантных туалетах, а также – в бикини, при виде которого Маилсон – единственный ее знакомый в Рио, импресарио, переводчик и охранник – лопнул бы от гордости за свою подопечную. Снимков она попросила напечатать побольше, приложила их к письму, где сообщала, как хорошо ей живется в Швейцарии, и отправила домой. Пусть думают, что она разбогатела, обзавелась всем на зависть роскошным гардеробом и скоро прославит свой тихий городок. Если все пойдет как задумано (а она уже прочла много книг о «позитивном мышлении» и ни единой секунды не сомневалась в победе), встречать ее на родине будут с духовым оркестром и убедят префекта назвать ее именем какую-нибудь площадь.

Купила мобильный телефон и несколько дней провела в ожидании звонков с приглашениями на работу. Обедала она в китайских (то есть в самых дешевых) ресторанах, а чтобы убить время, зубрила, как сумасшедшая, спряжение французских глаголов.

Однако время все равно тянулось до ужаса медленно, а телефон молчал. К несказанному ее удивлению, когда она прогуливалась по берегу озера, никто на нее не обратил внимания, если не считать торговцев наркотиками, всегда сидевших на одном и том же месте – под мостом, который соединял красивый старинный парк с современной частью города. Мария даже засомневалась в своей красоте и сомневалась до тех пор, пока одна из ее бывших коллег, случайно встретившись с ней в кафе, не объяснила: дело тут не в ней, а в швейцарцах, которые никого не любят беспокоить, и в иностранцах, которые опасаются, что их арестуют за «сексуальные домогательства» – ответственность за это специально придумали для того, чтобы женщины во всем мире чувствовали себя никому не нужными.

Запись в дневнике Марии, сделанная в тот вечер, когда она потеряла мужество выходить из дому, жить и ждать, когда наконец зазвонит онемевший телефон:

Сегодня я проходила мимо парка с аттракционами. Я не могу тратить деньги впустую и потому принялась просто разглядывать посетителей. Долго простояла перед «русскими горками»: я видела, что люди ищут острых ощущений, но, когда все это приходит в движение, умирают со страху и кричат: «Остановите!»

Чего же им надо? Если они выбрали для себя приключение, разве не следует настроиться на то, чтобы идти до конца? Неужели они считают, что благоразумней будет пройти мимо этих крутых подъемов и отвесных спусков и сесть на карусель, которая крутится на одном месте?

Сейчас мне так одиноко, что я и думать не могу о любви, но необходимо убедить себя: все наладится, все будет хорошо, я устроюсь, и здесь я потому, что выбрала себе именно такую судьбу. «Русские горки» – это моя жизнь. А жизнь – это пряная, ослепительная игра, это – прыжок с парашютом, это – риск, ты падаешь, но снова встаешь на ноги, это – то, что называется «вылезти вон из кожи», это – тоска и досада, если не удастся совершить намеченное.

Трудно жить в разлуке с близкими, не иметь возможности говорить на языке, которым можешь выразить самые тонкие оттенки чувств и ощущений, но с сегодняшнего дня, как только мне станет грустно, я вспомню этот парк аттракционов. Что бы я почувствовала, если бы заснула и внезапно проснулась на «русских горках»?

Ну, наверное, прежде всего – что попала в какую-то западню, что мне страшно, что меня тошнит, что я хочу убежать отсюда. Однако если поверить в то, что рельсы – это и есть моя судьба, а вагончиком движет Бог, то кошмар станет восторгом. «Русские горки» надежно и бережно доставят тебя в пункт назначения, а пока путешествие длится, гляди по сторонам, кричи от восхищения.

Облекать в слова мысли, казавшиеся ей очень мудрыми, Мария могла, а вот следовать собственным советам не очень-то получалось: подавленность

накатывала на нее все чаще, а телефон молчал по-прежнему. Чтобы отвлечься и чем-то заполнить пустые часы и попрактиковаться в языке, она стала покупать журналы со статьями о знаменитых актерах, однако вскоре поняла, что это обходится слишком дорого, а потому записалась в ближайшую библиотеку. Там ей сказали, что журналы не выдают, но предложили несколько книг, которые помогут ей полнее овладеть французским.

- Нет, книги мне читать некогда.

- Некогда? Чем же вы заняты?

- У меня много дел - учу язык, веду дневник и...

«Жду, когда зазвонит телефон», - хотела добавить она, но решила промолчать.

- Милая, вы еще так молоды, - сказала ей библиотекарша. - Перед вами вся жизнь. Читайте. Забудьте все то, что вам наговорили, и читайте.

- Да я прочла уже много книг.

И в эту минуту Мария вспомнила, как охранник Маилсон говорил: «Нужно, чтобы токи шли». Библиотекарша казалась ей человеком добрым, кротким, участливым, готовым прийти на помощь. Надо обольстить ее - она может стать Марии подружкой. И, мгновенно перестроившись, она сказала:

- Но хочу прочесть еще больше. Пожалуйста, посоветуйте мне что-нибудь.

Библиотекарша принесла ей «Маленького принца». Вечером Мария стала его перелистывать, рассматривать рисунки на первых страницах - там, где изображена шляпа, которая, по словам автора, никакая не шляпа, а удав, проглотивший слона. «Да он что - ребенком не был? - подумала Мария. - По-моему, это больше похоже на шляпу». Телевизора у нее не было, и со скуки она принялась следить за странствиями и приключениями Маленького принца, хотя начинала грустить всякий раз, как в книжке говорилось о любви - она запретила себе даже думать на эту тему, ибо от подобных мыслей впору в петлю лезть. Книжка ей понравилась - если не считать грустно-романтических сцен с лисенком и розой, - а главное, отвлекла: без нее она каждые пять минут

смотрела, не разрядилась ли батарейка в мобильном телефоне (страшно подумать, что главный в жизни шанс может быть упущен из-за такого пустяка).

Мария стала захаживать в библиотеку, вести разговоры с этой женщиной – такой же одинокой, как и она сама, расспрашивать ее о книгах и их авторах, и так продолжалось до тех пор, пока она, подсчитав свои финансы, не поняла: еще две недели – и ей не на что будет купить билет.

Но поскольку жизнь любит нагнетать мрак для того, чтобы потом ярче блеснуть своей светлой стороной, – телефон наконец зазвонил.

Да, когда, после того как в лексиконе Марии появилось слово «адвокат», прошло три месяца, в течение которых она проживала вырванную у Роже неустойку, раздался звонок, и некто, представившийся сотрудником модельного агентства, осведомился, нельзя ли попросить к телефону мадемуазель Мари. «Можно», – с отрепетированной за столь долгий срок холодностью ответила она, надеясь, что ее голос не дрогнул от волнения. И узнала, что некоему арабу, известному у себя на родине модельеру, очень понравились ее фотографии и он желал бы пригласить Марию принять участие в дефиле. Она вспомнила о недавнем разочаровании, но также и о деньгах, в которых отчаянно нуждалась.

Встреча была назначена в фешенебельном ресторане. Мария увидела перед собой элегантного господина – куда более привлекательного и лощеного, чем Роже.

– Знаете, чья это картина? Хоана Миро. Знаете, кто такой Хоан Миро? – спросил он.

Мария промолчала, делая вид, что всецело занята едой – угощение, надо сказать, сильно отличалось от того, чем кормили в китайских ресторанах, – а про себя отметила: «Надо будет взять в библиотеке книжку про этого Миро».

Однако араб оказался настойчив:

– Вон за тем столиком любил сидеть Федерико Феллини. Вы любите фильмы Федерико Феллини?

– Обожаю, – ответила Мария.

Араб хотел было приступить к детальному разбору, но она, чувствуя, что ее образование не позволит ей сдать этот экзамен, решила перейти прямо к делу:

– Не стану притворяться: я знаю только разницу между «пепси» и «кока-колой». Может быть, мы поговорим о показе?

Ее откровенность явно произвела на араба хорошее впечатление:

– Поговорим, но не сейчас, а после ужина, когда выпьем по бокалу шампанского.

В наступившей тишине они смотрели друг на друга и представляли, о чем сейчас думает каждый из них.

– Вы очень красивы, – настойчиво сказал араб. – Если согласитесь выпить со мной в моем номере, получите тысячу франков.

Марии все стало ясно. Кто виноват – модельное агентство? Она сама? Почему не разузнала поточнее, что за ужин ей предстоит? Да нет, никто не виноват – ни агентство, ни она, ни араб: просто вся эта механика устроена именно так, а не иначе. Внезапно она ощутила нестерпимое желание оказаться в Бразилии, дома, рядом с матерью. Она вспомнила, как на пляже Маилсон говорил ей, что за ночь меньше трехсот долларов не берут – тогда ей это показалось забавным. А сейчас она с предельной ясностью поняла: у нее никого нет, ей не с кем посоветоваться, она абсолютно одна в чужом городе, и все ее двадцать два года относительно счастливой жизни никак не помогут ей решить, каков должен быть правильный ответ.

– Налейте мне, пожалуйста, еще вина.

Пока араб наполнял ее бокал, в голове Марии мысли неслись стремительней, чем Маленький принц перелетал с планеты на планету. Да, она приехала сюда в поисках острых ощущений, денег, мужа, она знала, что в конце концов получит

предложение подобного рода – не девочка уже и могла бы привыкнуть к тому, как ведут себя мужчины. И все равно в ней еще совсем недавно теплилась надежда на модельное агентство, на артистическую карьеру, на богатого мужа... Дети, внуки, туалеты, триумфальное возвращение в родной городок... Она воображала, что у нее хватит ума, шарма, силы воли, чтобы преодолеть все трудности.

Столкновение с действительностью было столь болезненно, что Мария, к несказанному удивлению араба, расплакалась. А в нем боязнь скандала боролась с присущим каждому мужчине желанием защитить девушку – и потому он растерялся, не зная, что делать. Хотел позвать официанта и попросить счет, но Мария остановила его:

– Подождите. Налейте мне еще и дайте немного поплакать.

И она вспомнила мальчика, который спросил, нет ли у нее лишней ручки, и другого мальчика, с которым целовалась, не разжимая губ, и о том, как радостно было ей оказаться в Рио-де-Жанейро, и мужчин, которые только брали, ничего не давая взамен, и о том, сколько любви и страсти растеряла она на своем не таком уж долгом пути. Вроде бы всегда была сама себе хозяйка – а жизнь обернулась бесконечным ожиданием чуда, настоящей любви, приключения с неизменно благополучным концом – «хеппи-эндом», как в кино или в романах. Кто-то написал, что время не меняет человека, мудрость не меняет человека, и единственное, что может перестроить строй его мыслей и чувств, – это любовь. Какая чушь! Тот, кто написал это, не видел обратную сторону медали.

Любовь и в самом деле, как ничто другое, способна время от времени переворачивать всю жизнь человека. Но вдогонку за любовью идет и кое-что еще, тоже заставляющее человека вступать на стезю, о которой он никогда прежде и не помышлял. Это кое-что зовется «отчаяние». И если любовь меняет человека быстро, то отчаяние – еще быстрее. А что тебе теперь делать, Мария? Опротетью выбежать из этого ресторана, вернуться в Бразилию, учить детишек французскому, выйти замуж за хозяина магазина тканей? Или пройти еще немного вперед, провести еще одну ночь в этом городе, где она никого не знает и где никто не знает ее. Неужели всего одна ночь, сулящая немалые и легкие деньги, может завести ее так далеко, что она в скором времени окажется в той точке, откуда возврата уже не будет? Что происходит в эту минуту – предоставляется ли ей шанс или Пречистая Дева испытывает ее?

Араб тем временем разглядывал картину Хоана Миро, столик, где любил сиживать Федерико Феллини, гардеробщицу, принимавшую пальто у посетителей, и этих самых посетителей – входивших и выходявших.

– Ты разве не знала?

– Еще вина, пожалуйста, – сквозь еще непросохшие слезы ответила Мария.

Она молилась про себя – хоть бы официант не приближался, поняв, что происходит. А официант, краем глаза с почтительного расстояния наблюдавший за этой парой, думал: хоть бы этот араб с девушкой скорее попросил счет – ресторан переполнен, некуда сажать посетителей.

И наконец – казалось, прошла целая вечность – Мария нарушила молчание:

– Так ты говоришь – «тысяча франков»? – и собственный голос показался ей чужим.

– Да, – ответил араб, уже жалея о своем предложении. – Но мне бы ни в коем случае не хотелось, чтобы...

– Расплатись. Выпьем у тебя в номере.

И снова она не узнала себя – до этой минуты она была воспитанная, нежная, веселая девушка, никогда не разговаривавшая с посторонними в таком тоне. Похоже, что девушка эта сгнула в никуда – перед Марией открывалось иное бытие, где «дринк» стоит тысячу франков, а если перевести в более универсальную валюту – долларов примерно шестьсот.

И все было в точности так, как и предполагалось: она пошла с арабом в его номер, выпила шампанского, мгновенно и сильно опьянела, легла с ним, дождалась, когда он получит оргазм (даже не подумав притвориться, что сама тоже испытала хоть какие-то приятные ощущения), приняла душ в отделанной мрамором ванной, взяла деньги и позволила себе вернуться домой на такси.

Потом рухнула в постель и заснула как убитая.

Запись в дневнике Марии, сделанная на следующий день:

Я помню все, кроме той минуты, когда приняла решение. Забавно – ни малейшего чувства вины. Раньше я всегда считала, что женщинам, торгующим собой, жизнь просто не оставила никакого выбора, а теперь вижу, что это не так. Я могла сказать «да», могла ответить «нет» – никто ни к чему меня не принуждал, ничего не навязывал.

Я иду по улице, всматриваюсь в лица прохожих, думаю – а они выбрали себе судьбу сами? Или – как это случилось со мной – были выбраны судьбой? Мать семейства мечтала стать моделью, банковский клерк – музыкантом, зубной врач втайне от всех пишет книгу и хотел бы посвятить себя литературе, а вот эта девушка грезит о телевидении, но сидит за кассой в супермаркете.

Мне нисколько не жалко себя. Я не чувствую себя жертвой, потому что могла бы покинуть ресторан, унося нетронутое достоинство и пустой бумажник. Я могла бы возмущенно прочесть мораль этому арабу или прикинуться принцессой, которую следует покорять, а не покупать. Я могла бы... да мало ли что я могла бы, но – подобно большинству представителей рода человеческого – предпочла, чтобы выбор пути за меня сделала судьба.

Я – далеко не единственная, хотя и может показаться, что меня судьба завела на обочину, если не на дно жизни. Но все мы на пути к счастью встречаем неодолимые препоны: ни один из нас – ни клерк/музыкант, ни стоматолог/писатель, ни кассирша/актриса, ни мать семейства/фотомодель – не обрел счастья.

Значит, вот как это происходит? Значит, это так просто? Иностранка в чужом городе, где она никого не знает, и то, что вчера было для нее мукой, нынче дарит чувство всеобъемлющей свободы – никому и ничего не надо объяснять.

Она решила, что впервые за много лет будет думать о себе и посвятит этому целый день. До сих пор ее вечно заботили и занимали другие – мать, одноклассницы, отец, сотрудники модельного агентства, преподаватель французского на курсах, официант, библиотекарьша, и она гадала, что думают прохожие на улицах – люди, которых видела в первый и последний раз. По правде говоря, никто ни о чем не думал, а уж о ней – тем более: бедная иностранка – если завтра она исчезнет, даже полиция не хватится.

Она рано вышла из дому, позавтракала там же, где и всегда, прошлась по берегу озера, увидела какое-то сборище. Женщина, прогуливая свою собачку, сказала, что это курды опять устроили демонстрацию. И Мария снова, как тогда в ресторане, вместо того чтобы сделать вид, будто понимает, о чем идет речь, что человек она – образованный и культурный, спросила:

– А кто такие курды?

И женщина, как ни удивительно, не смогла ответить. Это в порядке вещей: все притворяются осведомленными, а решишься спросить – ничего не знают. Она зашла в интернет-кафе и выяснила, что курды – это жители Курдистана, несуществующей страны, ныне разделенной между Турцией и Ираком. Потом вернулась к озеру, надеясь еще застать женщину на прежнем месте – но та уже ушла: должно быть, собачка не захотела полчаса смотреть на толпу людей с флагами и транспарантами, слушать их странную музыку и непонятные крики.

«Да это же я! То есть я была такой – притворялась всезнающей, прячась за свое молчание, до тех пор, пока араб не разозлил меня настолько, что я нашла в себе смелость признаться, что умею только отличать «пепси» от «кока-колы». И что же – он был шокирован? Он переменял свои намерения? Да ничего подобного! Наверное, его потрясла моя непосредственность. Я всегда попадала впросак, пытаюсь выглядеть умнее, чем я есть на самом деле. И больше этого не будет!»

Она вспомнила о модельном агентстве. Знают ли они, что было нужно арабу на самом деле, – и в этом случае Мария снова притворилась наивной, – или же всерьез полагали, что он способен был предоставить ей работу?

Так или иначе, но в это пепельно-серое женевское утро, когда температура упала почти до нуля градусов, когда курды вышли на демонстрацию, а трамваи, как всегда, подходили к остановке секунда в секунду, а в ювелирных магазинах

снова стали раскладывать на витринах драгоценности, когда открылись банки, когда бродяги и нищие отправились спать, а добропорядочные граждане – на службу, Мария вдруг почувствовала себя не такой одинокой. Потому что рядом с ней была теперь другая женщина – невидимая никому, кроме нее. Мария и сама никогда раньше не замечала ее присутствия, а теперь вот – заметила, ощутила.

Она улыбнулась ей – этой невидимой женщине, похожей на Пречистую Деву, мать Иисуса. И та, улыбнувшись в ответ, посоветовала быть осторожней, потому что не все так просто, как кажется. Мария не вняла совету – она уже взрослая, сама отвечает за свои поступки и не верит, что где-то там, в горних высях, плетется заговор против нее. Она теперь узнала, что есть люди, готовые выложить тысячу франков за то, чтобы провести с ней ночь, – да нет, не за ночь, за то, чтобы полчаса побарахтаться с ней в постели, – и теперь ей всего лишь предстоит решить: купить ли на эту тысячу билет на самолет и вернуться домой или побыть здесь еще немного, скопить денег на дом для родителей, на красивую одежду, на путешествия по тем местам, где ей всегда так хотелось побывать.

Женщина рядом настойчиво повторяла: «Не все так просто», но Мария, обрадованная тем, что теперь – не одна, попросила не мешать: она должна подумать, ей надо принять важное решение.

И снова принялась размышлять – теперь уже более основательно – о том, стоит ли возвращаться в Бразилию. Школьные подружки, никогда в жизни не покидавшие их захолустье, наверняка скажут – ага, ее уволили, ага, у нее не хватило таланта стать звездой международного масштаба. Мать опечалится оттого, что не получит обещанных денег, даже если Мария в каждом письме будет объяснять, что, мол, посылала, да не дошли, почта украла. Отец взглянет на нее, будто говоря: «Я так и знал». Она снова пойдет работать в магазин тканей, выйдет замуж за хозяина – и все это после того, как она летела на самолете через океан, ела швейцарский сыр в Швейцарии, учила французский, оставляла на снегу свои следы.

А с другой стороны – существуют бокалы шампанского по тысяче франков. Возможно, что это ненадолго: красота мимолетна, как ветерок, но Марии хватит года, чтобы вернуться к прежней жизни, – только теперь она сама будет устанавливать правила игры. Дело в том, что она не знает, с чего начать, что именно делать. Когда она только появилась в Женеве, встретившая ее девушка – кажется, ее звали Вивиан – мельком упомянула рю де Берн, Бернскую улицу:

да-да, она с этого и начала, даже не сказав Марии, куда поставить чемоданы.

И Мария тотчас отправилась к одному из тех больших щитов, которые стоят на нескольких людных и оживленных улицах Женевы – она столь приветлива к туристам, что не желает, чтобы кто-нибудь из них заблудился, и во избежание подобной неприятности устанавливает на перекрестках такие панели: на одной стороне – список улиц и площадей, на другой – подробный план города.

У стоявшего возле щита мужчины она осведомилась, не знает ли он случайно, где улица Бернская. Тот взглянул на нее с явным интересом, переспросил, точно ли эту улицу она ищет или хочет знать, где проходит шоссе на Берн, столицу Швейцарии. Нет, отвечала Мария, я ищу улицу, которая находится в этом городе. Мужчина оглядел ее с ног до головы и молча пошел прочь, совершенно уверенный, что его снимают скрытой камерой для одной из тех телепрограмм, где на потеху публике людей ставят в глупое положение. Мария, простояв возле тумбы четверть часа – Женева, в сущности, невелика, – вскоре нашла искомое.

А ее невидимая подруга, молчавшая все то время, что Мария водила пальцем по карте, теперь попыталась сказать, что речь уже, пожалуй, не о морали, а о том, что Мария идет туда, откуда возврата нет.

А Мария ей на это возразила, что если сумела раздобыть денег на билет в Бразилию, то сумеет выбраться и из любой передрыги. И потом, никто из тех, с кем сводила ее судьба, не выбирал сам для себя, что будет делать, чем заниматься. Такова она, проза жизни.

«Мы с тобой пребываем в юдоли слез, – продолжала она разговор с невидимой подругой. – Мы можем мечтать, сколько душе угодно, но жизнь – печальна, сурова, неумолима. Что ты хочешь мне сказать? Что меня осудят? Да ведь никто ничего не узнает – да и будет это лишь на краткий срок».

Улыбнувшись ласково, но печально, невидимая подруга исчезла.

Мария же пошла в парк аттракционов, купила билет на «русские горки» и кричала от страха вместе со всеми остальными, хоть и понимала, что настоящей опасности нет – это все понарошку. Пообедала в японском ресторане, не понимая толком, что ест, но зная, что это – очень дорого: теперь она могла

позволить себе такие удовольствия. Ей было весело, не надо было ждать телефонного звонка или дрожать над каждым франком.

Ближе к вечеру связалась с агентством, сказала, что встреча состоялась и прошла удачно, поблагодарила. Если там и вправду занимаются модельным бизнесом, ее попросят занести фотографии. Если же там оказывают услуги иного рода, ей подыщут нового клиента.

Она прошла по мосту, вернулась в свою маленькую квартиру, решив, что ни за что не станет покупать телевизор, даже если случатся лишние деньги. Она будет думать, она употребит все свое свободное время на размышления.

Запись в дневнике Марии, сделанная в тот вечер (с пометкой на полях «Не уверена»):

Я догадалась, за что мужчина платит женщине: он хочет быть счастливым.

Он не выложит тысячу франков только за то, чтобы испытать оргазм. Он хочет быть счастливым. Я тоже хочу, все на свете хотят счастья – и ни у кого не получается. Что же я потеряю, если решу на какое-то время стать... мне трудно даже мысленно выговорить это слово, не то что написать его... но все же... Итак, что я потеряю, если решу на какое-то время стать проституткой?

Честь. Достоинство. Самоуважение. Если хорошенько подумать, у меня никогда не было ни того, ни другого, ни третьего. Я не рвалась на этот свет, я не встретила того, кто полюбил бы меня, я всегда поступала неправильно – и сейчас готова допустить, что жизнь моя и без того загублена мною.

На следующий день Мария позвонила в агентство справиться насчет фотографий и узнать, не предвидится ли новый показ. Сказала, ни минуты не веря, будто они ничего не знают, что араб должен был связаться с ними.

Потом отправилась в библиотеку и попросила книги о сексе. Раз уж она всерьез рассматривает возможность работы в новой для себя области – пусть хоть и всего в течение года, как она сама себе пообещала, – то прежде всего необходимо узнать, как себя вести, как давать наслаждение, вернее – не давать, а продавать.

К вящему ее разочарованию, ей ответили, что, поскольку это государственная библиотека, в наличии имеются только несколько руководств. Мария проглядела оглавление одной такой книжки и сейчас же вернула ее – авторы ничего не понимали в счастье, а толковали только об эрекции, эякуляции, стимуляции, средствах предохранения и прочих безвкусных предметах. Она уж собиралась было остановиться на толстом томе под названием «Психологические аспекты фригидности», потому что ее немного смущало – ни с одним мужчиной не получала она оргазма, а лишь более или менее приятные ощущения.

Но она сюда не развлекаться пришла, а по делу. И, поблагодарив библиотекаршу, Мария пошла в магазин и сделала первое вложение капитала в маячившее на горизонте предприятие: накупила разнообразных нарядов, показавшихся ей «секси» и способных, по ее мнению, пробудить в мужчине желание. А затем двинулась по недавно выясненному маршруту на Бернскую улицу. Она начиналась от церкви, за церковью помещался японский ресторан (какое совпадение – и третьего дня она ужинала в японском!), за рестораном тянулись ряды витрин с дешевыми часами, и вот наконец появились кабаре и клубы, о которых она столько слышала. В этот час все они были закрыты. Тогда Мария погуляла вокруг озера, приобрела – без малейшего замешательства – пять порнографических журналов, намереваясь ими руководствоваться в своей деятельности, и несколько часов спустя, вечером, снова появилась на Бернской улице. Выбор ее пал на заведение с милым бразильскому сердцу названием – «Копакабана».

«Я еще ничего не решила», – твердила она себе. Попытка – не пытка. Но никогда еще за все время, проведенное в Швейцарии, она не чувствовала себя так вольготно и уютно.

– Ищите работу, – не утруждая себя вопросительной интонацией, сказал хозяин, перемивавший за стойкой стаканы. Заведение представляло собой десяток столов, крошечный пятачок для танцев и несколько диванов вдоль стен. – Ничем не могу помочь. Мы уважаем закон: чтоб поступить сюда, надо иметь по крайней

мере разрешение на работу.

При виде документа, предъявленного Марией, он стал несколько более приветлив:

- Опыт есть?

Она не знала, что ответить: скажешь «есть» – спросит, где работала раньше? Скажешь «нет» – пошлет подальше.

- Я пишу книгу.

Эти слова будто сами слетели с языка или кто-то прошептал их ей на ухо. Мария заметила, что хозяин не поверил, но виду не подал.

- Прежде чем принять окончательное решение, поговорите с девочками. Тут у нас человек шесть из Бразилии. По крайней мере, будете знать, что вас ожидает.

Мария хотела ответить, что советы ей без надобности и что решение она еще не приняла, но хозяин, оставив ее одну и не предложив ей даже стакана воды, куда-то удалился.

Стали появляться «девочки», и хозяин, окликнув нескольких бразильянок, попросил ввести новенькую в курс дела. Никто не изъявил желаний вступить с Марией в беседу – как она догадалась, конкурентки им были совершенно ни к чему. Заиграла музыка, зазвучали бразильские песни (даром, что ли, дело происходило в «Копакабана»), входили все новые и новые девушки – одни с азиатскими чертами лица, другие, казалось, только что спустились с заснеженных романтических гор вокруг Женевы. Наконец, после того как она два часа провела в ожидании, выкурила полдесятка сигарет, измучилась от нестерпимой жажды, совершенно отчетливо ощущая, что совершает ошибку, многократно произнося про себя: «Что я тут делаю?!» – и досадуя на полное отсутствие интереса со стороны хозяина и девиц, одна из соотечественниц все же приблизилась.

- Почему ты выбрала именно это место?

Мария могла бы повторить историю про книгу, но вспомнила про курдов и про Хоана Миро и сочла за благо сказать правду:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/paulo-koelo/odinnadcat-minut-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)